

Забрыкин / окончание

Category: Kitarcy, Powestler

написано kitarcy | 24 января, 2025

Забрыкин / окончание XXXI.

Забрыкин соблюдал осторожность. Ходил и соблюдал.

Отовсюду ему виднелась опасность попадания на деньги.

У него был сейф, привезённый на корабле из самой Шотландии.

Там он хранил наличные фунты и йены.

Он был спрятан в коридоре, за картиной с голой Бузыкиной.

В нем он хранил и бабушкино кольцо, и череп козла, привезённого им из Сомали. Он-то и должен был напугать грабителей.

«89074» – набирал он код, когда требовался налик.

Но требовался он редко. Забрыкин всегда расплачивался картой Бангкокской мануфактуры по разведению белок. Однажды, он вошёл в свою квартиру и прямо в коридоре застал мужиков в коллагеновых масках панды, орудующих возле сейфа. Один был толстяком – в свитере, напяленном поверх кожаной куртки, другой был тощим – в красном полиэстеровом спортивном костюме.

-Чо? Работаем? – спросил, смеясь Забрыкин ошарашенных медвежатников. – Этот сейф даже ФСБ не смогло открыть. Я, пожалуй, подожду – посмотрю насколько вы ловкие.

Забрыкин сел в бруклинское кожаное кресло, закурил ереванскую сигару, специально заготовленную на случай ограбления.

-Маски можете не снимать, – благосклонно разрешил Забрыкин и достал карамельный попкорн, обжаренный на масле алоэ.

Худой достал отмычки из латунной проволоки и начал вертеться.

Толстый пыхтел и кряхтел. Пот проступил сквозь кожаную куртку.

Тонкий был юркий и ловкий.

Наконец, что-то щёлкнуло и сейф открылся....

Толстый отпрянул в сторону.

Из сейфа пошёл зелёный дым. Затем, на бархатной подставке выехал череп и детским голосом спросил: «Это вооружённое ограбление? Тогда вы арестованы!».

Толстый с тонким сняли маски. Лицо худого было усыпано веснушками. А его пшеничные волосы примялись под шапкой и были похожи на осенние банановые листья.

Толстяк оказался курчавым брюнетом с отвисшей нижней губой и орлиным носом.

Оба они смотрели на Забрыкина просящими глазами, как на папу. Забрыкин заржал.

-Вот вам десять тысяч и проваливайте!

Забрыкин был добрым малым. Ведь он и сам был с тёмной стороны и не стал делать из этого недоразумения проблемы.

Сейф был его слабым местом. Теперь он в этом убедился.

Через неделю он нанял тульского мастера, который сделал навесной замок в форме пряника и изменил код на «777».

XXXII.

Забрыкин верил в гуманоидов.

В деревне Потаповка он встретил одного.

Тот произвёл на него неизгладимое впечатление. Он так и сказал Забрыкину:

-Я гуманоид! – и немедленно выпил залпом поллитровку, после чего пригласил Забрыкина на поле, в простонародье – Мудячья тяга.

Там он показал свой летучий корабль.

Он напоминал летающую мельницу. Они зашли во внутрь.

Забрыкин понял, что, если он срочно не выпьет, у него начнётся клаустрофобия.

Он попросил у гуманоида чекушку.

Гуманоид хлопнул три раза мизинцем о мизинец и к ним на встречу выехал аппарат со множеством разноцветных трубок и даже с электропедалями. Гуманоид протянул Забрыкину кубок, сделанный из черепа доисторического зубра и попросил его не выдавать....

С тех пор, Забрыкин переводит деньги в деревню Потаповка, Алексею Дмитриевичу Иванову.

Иванов втихаря шлёт фотографии новых кораблей.

А Забрыкин, ощущая родство с пришельцем, не жалел денег.

Однажды, он приехал в Потаповку неожиданно для себя и сразу пошёл на Мудячью тягу.

-Попробуй, – говорит Алексей Дмитриевич Забрыкину.

Тот повернул колёсико на трубе «корабля» и в тот же момент по всему пространству разлился запах спирта.

Из трубы потёк первачок. Долго они сидели в бане, построенной на деньги Забрыкина: землянин и гуманоид.

XXXIII.

Забрыкин лепил горбатого. Да так реалистично, что его заметили люди. Проходили мимо в длинных плащах и говорили:

-Этот горбун переплюнул всех!

У Забрыкина было что-то со спиной. Он ходил боком, чуть дергая плечом вперёд, а потом сгибался, словно пытался залезть в собачью конуру.

-Какая фактура!!! – сказал впечатлённый кинорежиссёр Втулкин,

заметивший Забрыкина с террасы кафе «Заводной огурец».

-Слушай, – сказал он ему, – мне нужен этот образ для кинокартины «Несостояние».

Сказал и исчез.

А Забрыкин продолжил лепить.

Все были в восторге от Забрыкина, кроме Пупкина.

Пупкину не нравилось, как Забрыкин приседает. Пупкин хотел что-то сверхъестественное, а этот выкидон Забрыкина он не понимал.

-Куда ты лезешь? – говорил он, – в мире искусства и без тебя тесно!!

Забрыкин горбился и кормил голубей оксфордским печеньем.

Пупкин раздражался.

-Смоуктовский бы плевался, а Троцоклавский бы не поверил!

-Да пошёл ты! – впервые решительно буркнул Забрыкин на Пупкина, а уже через неделю снялся в сериале «Горбун и его команда».

Получил приз зрительских симпатий и бутылку пальмового масла.

Пупкин же говорил, что слава Забрыкина незаслуженная и что он лепит горбатого не как великие!

Но Забрыкин его больше не слушал.

Ведь ему писали восторженные письма со всей России.

XXXIV.

Забрыкин наломал дров.

У него были сильные руки и особого труда ему это не составило.

Потом он бился головой об стену, но это ему быстро надоело.

Досуг Забрыкина всегда был разнообразным.

Вот сейчас он занят восстановлением восточноевропейской магистрали в миниатюре, которую он сломал для того, чтоб восстановить.

Он сидит в красных баскетбольных трусах «Майкл Джордан», на голове парусиновая кепка. Сидит и слушает рэп.

-У вас есть кокосовая мука? – спросил сосед из дома через три улицы Миста Кукса.

Забрыкину пришлось оторваться от сборки магистрали.

Они сели на дизайнерский диван. Он был сшит из кожаных сумок, которыми была закидана в своё время культовая поп-певица Инга Рок.

Миста Кукса попросил выключить эту паршивую музыку, на что Забрыкин отреагировал странно – сделал ещё громче.

Тут же из кухни прибежала Галя и увидев Куксу, сильно расстроилась.

-Опять ты! – сказала она, – портишь вкус моему возлюбленному. Забрыкин, сделай погромче!

Галя редко вопила. Но сегодня был тот самый случай.

У Забрыкина была колонка бозе. Он повернул какое-то колёсико. От зашкаливающих децибелов задрожали стены и пустые книжные шкафы. С верхней полки упала фарфоровая ваза, оказавшаяся урной с прахом никому неизвестного человека.

Кукса, стряхивая пепел с плеч, пытался заткнуть уши. Но тщетно. Он услышал ненавистное слово «коммммммон» и оглох.

Затем сделал два шага и рухнул на магистраль. Немного подёргался и замер.

У Забрыкина съехали трусы. Он нагнулся над Куксой.

-Куксаааа, комоооон! – заорал негр из колонки.

Галя счастливо улыбалась.

-А он жив еще?

-Да вроде дышит!

Забрыкин взвалил на себя тело и бросил обратно на кресло. Наконец-то, Миста Кукса очнулся.

-С вас тысяча евро! – крикнула ему Галя, светя макетом уличного фонаря в глаза.

-За чтооооо? – спросил оглохший Кукса.

-За магистраль.

Забрыкин сгрёб в мешок магистраль и отдал Куксе.

-Завтра принеси деньги и да, вот ещё. 0 вкусах не спорят.

XXXV.

Галя подала заявку на конкурс «Близорукий мясоед».

Она соврала.

Она не была близорукой, но мясо любила.

Ох как она любила мясо: поджаренное с лучком, запечённое в горчично-медовом соусе, вымоченное в перуанских травах, свинину с натертой сверху говяжьей стружкой, мощное бедро индейки, фаршированное куриными котлетами...

Но больше всего она любила баранью ногу, припущенную олениной. На конкурс её не взяли.

Она разозлилась на «ангажированных мясников» – так Галя обозвала отборочную комиссию.

Через неделю она пожаловалась Забрыкину:

-Знаешь! Ты же толстый мальчик! Мог бы и поучаствовать вместо меня. У тебя ведь минус восемь! И ты стейк не отличаешь от подошвы мокасин Честер!

Забрыкин отвечал вяло и неохотно:

-Что же хорошего в том, что мы мясоеды? Вот мы едим мясо, но знать об этом никто не должен!! А тут всеобщая известность!! Парочка мясоедов! Да ещё и близоруких! Коль мне не суждено видеть мелочи – прожилки, сосудики, то буду слепо действовать! Выпрыгну на ходу из поезда, уходящего в эпоху дальновидных гурманов!

От последней фразы Галя заплакала.

Таких красивых слов она не слышала даже на лекции французского неопозта Педегри Па «Травматизм души от поэтических повреждений».

Гале удалось уговорить Забрыкина поучаствовать в этом экстремальном шоу.

Он прошёл отборочный тур и даже вышел в финал. Галя сопровождала его на каждый этап и даже в туалет.

Мясник Аким Задрали выкатил бочку маринованной свинины и огласил условия:

-Тому, кто съест половину, я выдам бочку абхазской чёрной соли!!! Вам могут помогать ваши подслеповатые родственники!!

Галя проникновенно смотрела на Забрыкина сквозь свои бутафорские роговые очки и смущенно теребила кусок мяса, размером с шейный платок от Hermès.

-Ешь-ешь! – приговаривал Забрыкин. – Что нам ещё остаётся, в этом мире безудержном.

-Но я люблю салоoooooooooooooooooooo! – Вдруг ни с того ни с сего закричала Галя.

Забрыкин очнулся и с перепугу засунул бифштекс в тостер.

Затем они ещё долго сидели за шведским столом и запихивали кусочки говядины в кишечные оболочки.

На конкурсе близоруких мясоедов победила худая девочка из Усть-Урегой, слепившая 333 пельменя в форме герба города.

XXXVI.

Забрыкин примкнул к белому движению.

Покрасился белой эмульсией и начал двигаться. Ему нужен был статус дворянина. Он передвигался по улице с трудом: краска попала в глаза, а он шёл по Аничковому мосту прямо к княжне Болонской.

Он познакомился с ней в интернете, и она приказала ему быть абсолютно белым.

Он шёл и оставлял белый след. Краска постепенно высыхала и трескалась.

Его никто не останавливал. Он шел и мычал: «Боже, царя храни» и нёс огромный православный крест из чистого золота.

Было шесть утра.

Рабочие выходили на смену, а Забрыкин шёл, шёл и шёл.

Он уже забыл куда ему нужно было явиться. Он был во власти преображения.

Город гудел вместе с Забрыкиным.

Он бы ушёл далеко, если бы не устал...

Княгиня Болонская отреагировала через неделю:

-Белое движение вручает вам титул «Белый медведь ордена рыцарей Всея Руси».

Но Забрыкин молчал.

За тот поход он просветлел и отдал полсостояния в общество благородных девиц, которые его отмыли в бане скипидаром.

XXXVII.

Забрыкин сквозил идеями как дуршлаг дырками. Кстати, про дуршлаг.

С тех пор, как Забрыкин вернулся с золотых приисков Аляски он часто выкладывал золотой шар в дуршлаг и наблюдал как тот сияет десятками лучей через дырочки. После этого ритуала, его всегда посещали фартовые идеи.

Когда Галя его спрашивала, то он такое делает, тот город отвечал:

-Я просеиваю золотом информационное поле.

Но он так часто это делал, что шар уменьшился в размерах. Однажды, за этим странным занятием его застал Пупкин.

Он сел нога на ногу, на табуретке из танзанийских барабанов и стал внимательно наблюдать за Забрыкиным.

У того был колдовской вид. Казалось, золотой шар вот-вот взлетит в воздух.

-Сейчас-сейчас я рожу идею! – приговаривал он.

А Пупкин пил кофе и мешал Забрыкину своими категоричными критическими высказываниями.

-Так нельзя родить идею!!! – говорил он. – Это надо идти в ванную, набрать воды. Я же вижу, ты неправильно держишь дуршлаг!

И уже было потянулся за дуршлагом, как Забрыкин резко отпрянул, щёлкнув свободной рукой Пупкина по носу.

В этот самый момент у Пупкина родилась идея инвалидной тяги, а Забрыкин заново придумал Волочковой супер раздвижной тазобедренный сустав.

Они сели за трёхногий туалетный столик Гали и стали напряжённо записывать идеи.

-Слушай, мы можем работать в паре! – предложил Забрыкин и записал технические характеристики сустава. Затем он позвонил в бюро и запатентовал сразу два открытия.

Пупкин был в восторге!

-А ну-ка, щёлкни меня ещё раз по носу!

Забрыкин не заставил долго себя ждать и со свистом щелкнул Пупкина по носу.

Затем они молча пили коньяк и курили сигары.

Постепенно, у Пупкина стал опухать нос. Забрыкин впал в азарт и играл с носом Пупкина словно это был рычаг игрового автомата.

Но идеи неожиданно кончились.

Пупкин побрел, шатаясь домой – делать травяные ванночки для носа, а Забрыкин оставшийся вечер перебинтовывал с Галей палец, который этим вечером совершил 28 щелчков.

-Палец-удалец! – хвалила и целовала пострадавший указательный пальчик Забрыкина Галя.

XXXVIII.

Забрыкин визжал как резанный.

Его тело тряслось, как манговый йогурт с отрубями.

Ещё вчера он и не представлял, что будет втянут в эту свистопляску полоумных огней. И вот сейчас он сидит на

деревянном несуразном стульчике и его подбрасывает то вверх, то вниз, то направо, то налево. Он визжал так, что одновременно заболели гланды, селезёнка и копчик. Напарник Кукушкин болтался на соседнем стульчике, но уже не издавал никаких звуков. Он был уже в полной отключке и его обмякшее тело швыряло-мотало взад-вперёд с неистовой скоростью...

Китайские карусели имели успех в России. Забрыкин был спонсором и решил сам опробовать качество продукта. Ли Пин Зын наблюдал за Забрыкиным из рулевой будки и управлял процессом.

Ему нравилось, как визжит Забрыкин и он с ликованием вырвавшейся на свободу гориллы, поворачивал рычажок — то в право, то влево, и доводил клиента до кондиции... Ли Пин Зын снял тело напарника Забрыкина, затем дал тому понюхать китайское средство от укачивания — смесь, состоящую из молотого сычуаньского перца и стирального порошка фирмы «Цлинь». Тот моментально очнулся и убежал в неизвестном направлении, забыв даже отстегнуть ремни безопасности... Вырванный с корнем стул с грохотом волочился за ним, как связка консервных банок, привязанных к свадебной машине.

Забрыкин вернулся на землю без голоса. Всё, что он мог, это показывать большой палец. Впрочем, это могло быть совпадение, и он просто его продул в полёте, отчего тот перестал сгибаться. Китаец воспользовался этим и притащил контракт. Забрыкин не читая, подписал договор на незнакомом ему языке и побежал на следующую карусель...

Ночью он крутился на своём БМВ, на Амурской магистрали и представлял, что он на десятом уровне китайских гор.

Ему снился китайский мальчик с перочинным ножиком. Ли Пин Зын прикрепил проводки ко всему телу и пускал ток. Забрыкин дёргался. Ему хотелось кричать. Галя завернулась в китайское одеяло с подогревом и тихо лежала, прислушиваясь к стонам

Забрыкина.

XXXIX.

Забрыкин муссировал тему Бога. В кладовке у него стоял отборный мусс – клубничный с кокаиновыми листьями, привезёнными с Эквадора. Он был разлит по 80 мензуркам из стекла цвета левого крыла фламинго.

-Зовите меня муссир! – просил он Галю во времена муссовой консервации.

Он вливал в себя одну за другой розовые колбочки, засасывая содержимое так, что слюни текли как у лабрадора, наевшегося забродившей ежевики.

Он вращал головой и сам себе говорил сто раз – «нет. стоп», «нет. стоп», «нет. стоп»...

А на сотый раз снова припадал к божественным мензуркам.

Познать бога ещё ближе ему помогал ритуал припадания к оранжевой миске с желудями.

Осенью он ходил в распахнутой рубашке Армани, и взмахивая руками, словно гриппующий офицер Рейха, гонял людей в парке.

Никому нельзя было собирать жёлуди. Он нанял Цуцкера охранять парк.

Но этого было недостаточно.

Через каждый метр он расставил билборды с неоновыми надписями:

«Божественные жёлуди Забрыкина руками не трогать!!».

Он делал из желудей бусы, варенье и метровые статуи.

Бог появлялся постепенно. Глаза Забрыкина начинали вращаться – то ли от муссового пережора, то ли от ослепительности бога.

Он так этого ждал, что с трудом верил. Бог проявлялся на майке

Забрыкина как на киноплёнке. Вот уже узор стал психоделическим и Забрыкин, не выдержав долгожданной встречи, впал в кому.

В ней он встретил Бога — точную копию себя.

Он жрал что-то из миски с надписью «only for milk» и к себе никого не подпускал.

Забрыкина откачала медсестра. По её щекам стекал розовый мусс. Видимо, пока Забрыкин лежал откинувшись, она приложилась к его запасам.

-Боженьки! — воскликнула она, вытирая платаницей остатки мусса.

Забрыкин сделал одутловатую рожу и улыбнулся: на зубах были ошметки желудей.

-Дайте мне ещё мусса! Я видел бога!

XL.

Забрыкин безысходно влип. Липкое осознание конца обволакивало всё его существо.

Он жил на широкую ногу. Она уже не помещалась в окно его автомобиля, куда обычно он её высовывал после массажа стоп белыми пиявками (особо прилипчивых он стряхивал прямо на мостовую).

В этот трудный момент он посылал всех особо изощрённо. На древнеперсидском.

А ещё он стал судорожно отправлять всем письма. Девочке Марусе, с которой ходил в детский садик и однажды, случайно залил её карманы киселём, мальчику Виталику, у которого в первом классе украл 73 фантика от жвачек, которые он собирал четыре года, а потом у него же в девятом классе контактную линзу. Список был на трёх страницах. А письма от руки. В ход

пошли марки, которыми он ещё в детстве обклеил дворовый мусорной бак.

Одно письмо он отправил неизвестному островному королю в Индонезию с просьбой выслать ему двухметрового истукана со шваберной щёткой, чтобы тот вытирал боль со лба.

Забрыкин безысходно влип. Утекал его капитал и воспоминания. Он совсем не хотел расставаться со своим богатством.

Забрыкин молил святого Ираклия и плакал-плакал-плакал на груди Игуменьи Евсидохи, настоятельницы храма в Нижних Квашонках (его реставрацию он спонсировал в год кролика).

Весь бизнес рухнул как репутация Кузькиной матери.

А дома... уже обшарпанная утварь кричала на него синим матом.

Тогда он решил приторговывать остатками сахара, выдавая его за соль Земли.

Некоторые били его табуретками, другие прощали, приняв щепотку.

Алкаши толпились на руинах его бывшего мещанского счастья и жалели его всеми своими пропитыми душами.

Он же, с поникшей головой, похожей на скисший кочан капусты, надувал когда-то толстые щёки и скорбел....

Всегда имея накрахмаленный платок с фамильным гербом в виде Мики Мауса с бейсбольной битой, Забрыкин вдруг стал выражать свой единственный протест, сморкаясь в футболку Lacoste.

Теперь, выходя на улицу, Забрыкин надевал маску Ковбоя Мальборо и ходил в ней до часу ночи, пока гавайские проститутки не начинали закидывать его камнями.

Побитый, он плёлся домой. Сегодня ему удалось обменять «соль» на огарок сала. Он вздыхал и проклинал вирусные дела и всех, помешавшим его бизнесу.

«Неужели завершилась моя сладкая, как кленовый сироп, жизнь?»
– думал Забрыкин деля сало на восемнадцать частей.

XLI.

Забрыкин отстаивал нажитый им капитал. Он закрыл свой офис навсегда резиновым фаллосом.

Замочную скважину в виде вагины десять лет назад вырезали ему мастера из Нью-Йорка. Фаллос-ключ был один. Эксклюзивный. И потерять его означало бы потерять весь офис.

Теперь он вяло покачивался в дверях и это было слишком символично.

Финансовая импотенция ударила Забрыкина в пах.

В маске из аргентинских попугайчиков он вышел из офиса, и не боясь вируса, нырнул в самую толпу.

Ему надо было покинуть все засвеченные места, чтоб его не нашли... Ведь у него теперь огромные долги перед сотовариществом «Бейсбольная бита и Дракон». Забрыкин похудел на два килограмма.

Теперь он ел только моллюсков, посыпанных кирпичной крошкой... Португальский врач обещал изменить лица до полной неузнаваемости.

Забрыкин обдумывал вариант своей кончины. Вертелись мысли о том, что сладкая жизнь закончена. Его больше никто не узнает. Со старыми знакомыми придётся завязать. Забрыкин шёл к доктору на липосакцию щёк и подбородка. Он хотел быть похожим на Хемингуэя в молодости. Он состриг и бережно сложил волосы в сундучок из дорогих пород дерева и кинул его в канал Грибоедова.

Доктор принял Забрыкина на Петроградке. Он заорал: «мистер Хемингуэй!!!» и шуточно шлепнул по пузу Забрыкина.

Он усадил его в кресло для беременных (так подумал Забрыкин) и принялся натягивать и закреплять кожу на лице щипчиками. Потом отрезал скальпелем лишнее. Забрыкин вышел весь перебинтованный. Он с трудом двигал ногами. Мистер Хемингуэй! «Всё! Я теперь Хемингуэй! Как только откроют границы, я засяду на Кубе», – бормотал про себя Забрыкин.

На съёмной квартире у него не было приличного матраса. Он лежал на берестяных ковриках и рыдал:

-Я потерял два миллиона долларов из-за этого чертового кризиса! – зачем- то он крикнул в кухонную форточку. – Двести пятьдесят тысяч ушли на операцию!

-Наверняка, «Бейсбольная бита и Дракон» рыщут уже везде, – обратился он к водосточной трубе и выплюнул самую дорогую пломбу за историю стоматологии в окно.

Анна ДЫМКОВЕЦ, Игорь СМЕРНОВ. Powestler